

Формирование юридической терминологии в римском праве

Научный руководитель – Денисов Дмитрий Сергеевич

Мальцев Дмитрий Андреевич

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра истории государства и права, Москва, Россия

E-mail: demamalcev@mail.ru

1. «Ренессанс естественного права» во второй половине 20 века вызвал резкую критику «юриспруденции понятий» и связанных с ней позитивистских форм мышления. В частности, среди таких ученых как Й. Эссер, Ф. Веакер, М. Брандт начали формироваться теории юридической техники. В их учениях, с определенными различиями, выдвигается точка зрения о том, что юридическая структура существует объективно как часть социальной реальности, а юридические термины - не самостоятельные конструкции, а выражения реального мира, несущие в себе то значение, которое нормально для человеческих отношений в целом. В качестве правовой системы, в котором данная концепция терминологического аппарата реализуется, ученые в основном обращаются к римскому праву[1].

2. Важной и ключевой чертой понятийного аппарата римской юриспруденции является формирование основной терминологии на основе повседневных выражений. По утверждению Джеймса Гордли, терминология римского права была заимствована из повседневного опыта, и у юристов не было необходимости определять значение слов. [2] Действительно, основные понятия, такие как *res*, *agnat*, *lege* и др. встречаются еще в законах XII таблиц.[3] Относительно термина «*res*», в этимологическом словаре латинского языка указано, что он восходит к умбрийскому языку, где обозначает некую ценность, собственность (не в юридическом значении этого слова).[4] Исследования по истории понятия *res publica* так же находят первоначальное значение этого понятия именно в «публичной собственности».[5] Значение вещи присваивается термину и в юридических источниках. [6] Соответственно, термин поступил в юридический аппарат с тем значением, которому ему придала реальная жизнь. Подобные же заключения можно сделать и относительно других терминов, в том числе, более поздних, например *rescissio*. [7]

3. Черта бытового понятийного аппарата состоит в тесной связи с его натуралистическим характером. Понятийный аппарат не мог содержать незнакомые термины или наполнен чуждому им смыслом, иначе бы право мыслилось как отдельная, замкнутая система, не связанная с жизнью. Эрнст Леви указывал, что юснатурализм римских юристов в отличие от философов был направлен на понимание органического единства социальной культуры.[8] Между тем, именно черта «естественности» терминологического аппарата и вызывает интерес, особенно по отношению к ряду понятий, к которым присоединяется прилагательное “*naturale*”. Такие термины, рассмотренные, например, Леви: *possessio naturales*, *obligatio naturales*. Но если терминология и так естественна, зачем снабжать ее предикатом «естественный»? А.М. Ширвиндт видит в понятии *possessio naturales* результат деятельности правовой, необходимости отделения одного социального юридически значимого факта от другого.[9] Таким образом, натурализм есть скорее обоснование правовой системы, обоснование действия того, что мы бы сейчас назвали правовой нормой, отсюда возникает и необходимость в устойчивости понятийного аппарата, поскольку определенное содержание понятий должно быть базовым порядком вещей, а не результатом человеческой деятельности

4. Однако правовое регулирование требует отделение одних фактов социальной реальности от других. Применение терминологии с исключительно бытовым, повседневным значением обозначило бы отсутствие системных связей между установленными правилами. Значение термина так или иначе расходится, сужается или расширяется в процессе повседневного использования. Относительно уже упомянутого термина *res*, итальянский философ Ремо Бодей, указывает на его использование как на обозначение, например, предмета дискуссии.[9] Но мы знаем, что в праве термин *res* подобного значения не носил. Более того, известна классификация *res* на *corporeales* и *incorporeales*, проведенная Гаем, нигде кроме юридических источников не встречающаяся.[10] Выделяя понятие *res incorporales*, исходя пусть и из бытового, общепринятого значения *res*, Гай выделял определенную часть явлений юридического быта, не включая в них явления юридически иррелевантные. Эти юридически иррелевантные факты просто не находили бы своего места, если смотреть на связи между употреблением терминов в правовых источниках. Именно совместное, системное употребление терминологии так или иначе будет влиять на ограничение в содержании термина исключительно юридически значимого факта. Подобное, например, наблюдается, если проанализировать употребление слов *dominium* и *proprietas*. [11] Можно увидеть скрупулёзное расставление слов в соответствии с их значениями. Это не превращало термины в исключительно юридические, не наполняло их несвойственными для них смыслами, но придавало им черту содержания в себе права, и как указано Виакером, содержание в структуре реальной действительности правовых элементов. [1]

5. Таким образом, характерными чертами терминологического аппарата римской юриспруденции является его слияние с повседневным бытовым языком, отсылка к натурализму как к обоснованию правовой системы и использование в правовой реальности для выделения отдельных правовых явлений, тем самым и приобретая внутри себя особое правовое содержание, помимо содержания бытового. Описывая явления реального мира в зависимости от того, какое значение они имеют в праве и какое место занимают в системе, терминология служило отделению права и неправа, юридически значимых и юридически иррелевантных фактов, разделению способов защиты, наступаемых правовых последствий. Она не представляла собой набор предикатов как в немецкой пандектистике, но и не была бессистемным смешением с повседневным языком.

Источники и литература

- 1) WIEACKER, F. (1942). RECHTSBEGRIFF UND JURISTISCHE FIKTION. Zeitschrift Für Die Gesamte Staatswissenschaft / Journal of Institutional and Theoretical Economics, 102(1), 176-184. Retrieved February 27, 2020, from www.jstor.org/stable/40747121
- 2) Gordley J. The jurists: a critical history. – Oxford University Press, 2013.
- 3) Акимова М. А., Кожокаръ И. П., Леус В. А. Хрестоматия по римскому праву. 2-е издание. Учебное пособие. – " Издательство " Проспект " ", 2018.
- 4) Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. – 1910.
- 5) Hodgson L. Res Publica and the Roman republic: 'without body or form'. – Oxford University Press, 2016.
- 6) Краснокутский В. А., Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право: учебник; под ред. ИБ Новицкого, ИС Перетерского. – 2004.
- 7) Д.О. Тузов Ресциссия купли-продажи в позднеклассическом и постклассическом римском праве
- 8) Levy E. Natural law in the Roman period // Nat. L. Inst. Proc. – 1949. – Т. 2. – С. 43.
- 9) Ширвиндт А. М. Значение фикции в римском праве // М.: Статут. – 2013. – С. 255.

- 10) Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. – Рипол Классик, 2013.
- 11) Савельев А. В. *Dominium* и *proprietas* в римских юридических источниках классического периода // Древнее право. – 1996. – №. 1. – С. 112-123.
- 12) Дождев Д. В., Нерсесянц В. С. Римское частное право: учебник для вузов. – INFRA-M, 1996.
- 13) Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. – Статут, 2003.
- 14) Кофанов Л. Л. Понятие *res publica* и *civitas* в 50-й книге Дигест Юстиниана // Дигесты Юстиниана. – 2006. – Т. 8.